

Друг мой, я очень и очень болен

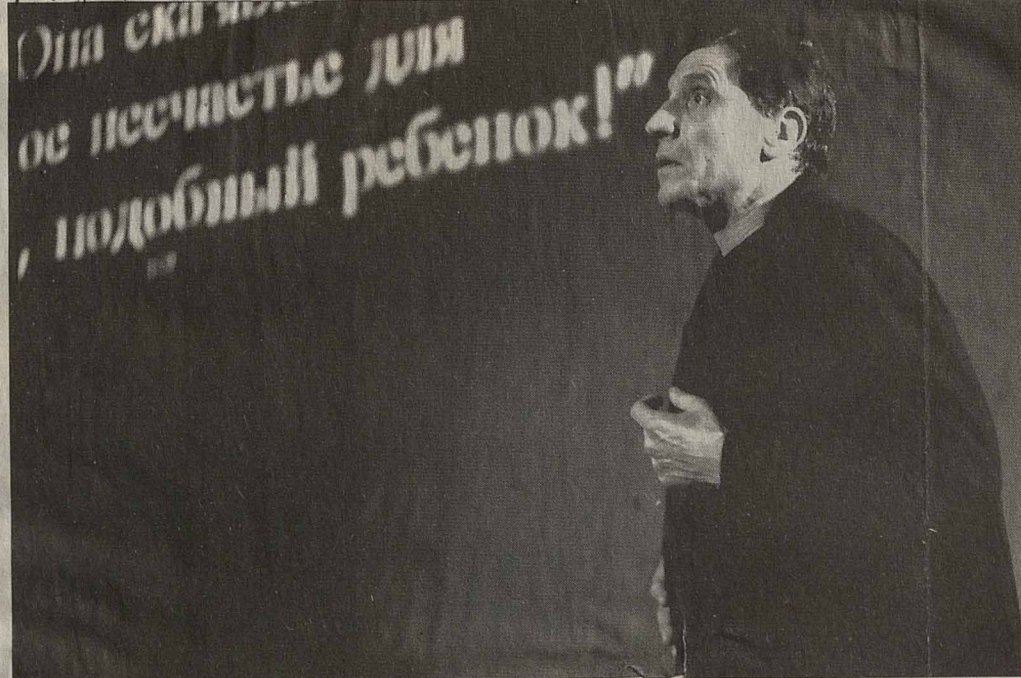
В Театре Наций вспомнили о Прусте

Антон Красовский

Пруст. Усталые, едва ли не сванские глазищи, челка на пробор, приказчиьи усы с крендельками – таким по крайней мере его помнят выцветшие карточки фотоснимков и пыльные булжники парижских мостовых. Вот он за стеклом теплого кафе макает в лимонный настой крохотные мадлены, а вот садится в пролетку и мчится в редакцию «Le Figaro». Минута-другая – и уж не видно его, лишь копытца цокают где-то за углом бесконечности.

На сцене Театра Наций нет, конечно, никаких конных пар, карет и пышных нарядов – только черный человек на белой парашютной ткани. Она сброшена с бутафорской стены вниз под ноги зрителям, закрывая полсцены, как случайный снег на набережной Сены. Человек ходит по ней аккуратно, будто боится растревожить пространство, словно в этой тряпке, в этом жалком доскутке человеческой умелости – смысл существования, основа всей его жизни. Он переступает через складочки, через грубые швы, и чудится, что вот-вот и ему суждено оступиться, и уже ничто не продлит воспоминаний. И все эти вечера в Комбре, и цветущие кусты боярышника, и первый сердечный приступ – все останется неопианным, нерас-

Независимая - 2002 - 13 февр. - с 8.

Пруст с субтитрами.

сказанным, немым. Все-все исчезнет вместе с безвозвратно утраченным временем.

Человек этот – Серж Маджани – замечательный прустовский персонаж. Прустовский – это значит очень на него похожий. Только без усов и котелка. Легкая истеричность, терзанья, самовлюбленность и жалость к самому себе – все у него на лице, в движениях, в тяжеловесных жестах. Иногда, в самые сокровенные, в самые застенчивые моменты он

на прямых ногах всем телом падает в сторону зрительного зала. Кажется, еще чуть-чуть – и упадет, но нет, выпрямляется и продолжает: «После ужина я должен был – увы! – уходить от мамы, а мама беседовала с другими в саду, если погода была хорошая, или в маленькой гостиной, где все сходились в ненастную погоду». Сперва очень последовательно, страница за страницей. Потом уже отрывочно – «Германты», «Девушки» и проч.

Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

Маджани вместе со своим приятелем режиссером Шарлем Торджманом, создавшим замечательный фестиваль в Нанси, привезли этот спектакль в Москву не случайно. Во-первых, тут, как нигде, пожалуй, любят Пруста. А во-вторых, спектакль этот, рассчитанный на одного актера, очень просто возить в страны с такими нудными таможенными, как у нас. Делов то – один артист да сумка шмоток. Что-то похожее устра-

ивал уже Культурный центр Франции, когда тут же – у Корша – показал месяца три назад моноспектакль по Беккету.

Однако в отличие от беккетовского мира, пространство Маджани не эгоистично, а эгоцентрично, как эгоцентрично пространство самого Пруста. Потому тут только он один – замотанный в драп господин с распахнутой холодеющей душой и все прочие люди – что кофейные зерна – лишь декор. Убранства. Виньетки. Потому он и падает в зал, что не на кого опереться. Потому и читает все наперебой – ведь Прусту не важна последовательность, главное – флер. Ласковый запах повествования, запах медуницы, ручья, ночного сада.

Думаю, многие захотят поспорить со мной. Дескать – глупости все это, мол, смотрите, сам Пруст говорил, что с самого начала знал, чем закончится книга. Это правда – говорил. Только вот – одно другому не противоречит. Можно из Москвы поехать в Лотарингию. Каким путем – это уже совсем другой вопрос. И потеря времени – это даже хорошо. Очень по-прустовски. Тем более что бессмысленной она все равно не бывает. Как не бессмысленно был прожит этот час – час музыки французской речи и грустных воспоминаний об утраченном детстве.